

ИСТИНА РОЖДАЕТСЯ В ОГНЕ СОМНЕНИЙ И ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ («Anfechtungen» «раннего» Лютера)

Известный исследователь Реформации Генрих Борнкамм начал свое выступление на Первом международном конгрессе по изучению Лютера (18–23 августа 1956 г., Аарус, Дания) такими словами: "Нас подстерегает опасность из-за увлечения лютеровской теологией потерять Лютера-человека"¹. Со времени этого выступления прошло полвека. Пробел в изучении Лютера, на который обратил внимание Г. Борнкамм, был существенно восполнен в превосходных работах Мартина Брехта, Рихарда Фриденшталя, Вальтера фон Лёвениха, Бернарда Лозе, Хейко Августина Обермана и других западноевропейских авторов². В советской же и постсоветской историографии тема "Лютер как человек" почти не затрагивалась. Наша статья посвящена одному из ее аспектов: мучительным духовным исканиям "раннего" Лютера, открывшим ему путь к постижению истины, которую он затем решил "вынести на свет".

* * *

После своего ухода в монастырь Лютер, руководствуясь идеями Вильяма Оккама и его последователей о достижении человеком Небесного блаженства, неустанно стремился к тому, чтобы "завоевать для себя Небо". Временами, особенно в первые годы его пребывания в святой обители, эта цель представлялась ему вполне достижимой. Ведь поздравляя его со вступлением в монастырь, приор, духовник и собратья-монахи говорили: "Ты будешь таким же, как чистое, невинное дитя, только что принявшее Крещение"³. В тот момент и сам Лютер полагал, что он превращается "в такого необыкновенного человека, который сам, благодаря своим собственным деяниям, без Крови Христовой, мог соделаться совершенным и святым – так легко и так быстро"⁴. Вспоминая об этом дерзновенном самообольщении, Лютер в 1533 г. саркастически замечал, что, став монахом, он "позволял считать себя таким чудесником, который запросто сможет сотворить из себя святого и победить смерть вкупе с дьяволом"⁵.

Но состояние душевной умиротворенности и даже самолюбования своим иллюзорным совершенством пред Богом и людьми уже в первые годы его монашеской жизни и священнослужения иногда сокрушалось под натиском так называемых "Anfechtung". Слово

"Anfechtung" в буквальном переводе на русский язык означает "искушение", "соблазн". В средневековой литературе как синонимы "Anfechtung" употреблялись немецкие слова "Versuchung" ("искушение"), "Bekörung" ("проверка", "испытание") и латинское слово "tentatio" ("искушение", "испытание", "нападение")⁶. Нам представляется, что перевод на русский язык термина "Anfechtung", адекватно отражающий его содержание, невозможен. Поэтому здесь и далее мы употребляем немецкое слово "Anfechtung", а не его буквальный перевод на русский язык. В самом же общем смысле под "Anfechtungen", по нашему мнению, следует понимать какие-то могущественные, враждебные человеку фантомы, которые прорываются сквозь барьер его сознания – либо изнутри (из его подсознания), либо извне (из окружающего его мира) – и наряду с этим порождаемые ими сомнения, угрызания совести, страх, угнетенность, подавленность. Иными словами, "Anfechtungen" – это не только соблазнение и прельщение, не только негативное воздействие на духовный мир человека, не только то, что "находит", или "накатывает" на него, но и его духовное состояние, и неудовлетворенность его души, и болезненные переживания, и приносящее душевную боль сомнение в истинности тех или иных духовных ценностей, моральных предписаний и идеалов, и его тягостные размышления о своем образе действий и мыслей.

"Anfechtungen" – постоянные спутники каждого, кто приходит в земной мир. С ними ежедневно, ежечасно сталкивались и сталкиваются не только простые смертные. В противоборство с ними вступали и ветхозаветные пророки, и апостолы, и святые, и Отцы и Учители Церкви, и даже сам Христос.

"Anfechtungen" людей Средневековья и Раннего нового времени так же, как и "Anfechtungen" этих ревнителей Царства Божия, были пронизаны ярко выраженным религиозным содержанием. Конечно же, как и во все времена, люди этих эпох испытывали и порождаемое повседневной мирской жизнью душевное смятение, и чувство вины перед ближними и дальними. Но их самые глубокие переживания были связаны с размышлениями о будущей Небесной судьбе.

"Anfechtungen" многолики, они переживаются каждым по-своему. И никто не в состоянии полнее и точнее рассказать о них, чем человек, который им подвергается. Поэтому посмотрим, что говорил

об "Anfechtungen" вообще и о своих собственных "Anfechtungen" сам Лютер.

Этой теме он посвятил немало строк в своих сочинениях, проповедях, письмах, "Застольных речах". Есть у него и небольшое сочинение, непосредственно рассматривающее ее. Оно называется «Утешение для человека, обуреваемого тяжкими "Anfechtungen"»⁷. Но содержание этого понятия наиболее полно раскрывается Лютером в "Большом Катехизисе". Там же содержится и лютеровская классификация "Anfechtungen".

Руководствуясь средневековыми представлениями, Лютер разделял "Anfechtungen" на три вида. К первому – он относил "Anfechtungen", обусловленные человеческой плотью и ее вожделениями⁸. Ко второму виду Лютер причислял "Anfechtungen", которые вызываются внешними влияниями на человека, исходящими из греховного мира⁹. И, наконец, третий вид, по словам Лютера, включает в себя "Anfechtungen", которые провоцируются дьяволом и поражают духовные устремления человека. Лютер делал особый акцент на том, что "дьявол хочет отвлечь нас от веры, надежды и любви и привести к неверию, ложной самонадеянности и ожесточению или, напротив, к отчаянию, отречению от Бога, к поношению Его и к другим бесчисленным ужасным вещам"¹⁰. При этом Лютер был убежден в истинности традиционных церковных представлений о том, что враждебные происки коварных дьявольских сил прежде всего направлены на искушение монахов. Как и каждый насельник, он с первых дней своего пребывания в святой обители твердо усвоил неоднократно повторявшиеся духовными наставниками слова: "Если на мирянина нападает один дьявол, то на монаха – семь".

Уход Лютера в монастырь в значительной степени избавил его от "Anfechtungen", которые исходят из погрязшего во грехах мира. Для преодоления "Anfechtungen", обусловленных плотской природой человека, Лютер прибегал к "врачующим средствам", которые рекомендовала Церковь: продолжительной аскезе, медитациям, исповеди, Причастию, молитве. Молодой монах неукоснительно соблюдал монастырский устав, придирчиво оценивал все свои мысли, поступки и дела и проявлял непомерное усердие во время исповеди, утомляя духовника подробнейшим перечислением своих прегрешений и добрых дел и словоизлияниями о раскаянии своего сердца¹¹. Позже Лютер вспоминал, что однажды он исповедовался на протяжении

шести (!) часов¹². Лютер также с глубочайшим благоговением готовился к мессе и нередко впадал в молитвенный экстаз¹³. Он скрупулезно подсчитывал пропущенные им по уважительным причинам молитвенные часы, а затем уединялся в келье (иногда на целых три дня) и не ел и не пил до тех пор, пока не возмещал эти пробелы. "Из-за этого, – вспоминал позже Лютер, – голова моя становилась такой безумной, что я на протяжении пяти ночей не мог сомкнуть глаз, лежал, как смертельно больной, как сошедший с ума"¹⁴.

В 1533 г. Лютер писал: "Это правда, я был благочестивым монахом и так неукоснительно выполнял орденские правила, что мог бы сказать: если хоть один монах попадал на Небо за свои монашеские [подвиги благочестия], то и я должен был бы попасть туда"¹⁵.

На первых порах эти заслуги иногда ввергали Лютера в грех гордыни. Но это упоение победами над своей греховной природой и превознесение своих "добрых дел" бывало непродолжительным. Впрочем, оно и не могло быть иным. В этом за несколько десятилетий до мучительной духовной борьбы молодого монаха Лютера убедился великий сердцеведец Фома Аквинский (1380-1471). "О, какова слабость человеческая, всегда склонная к порокам! – восклицал он. – Сегодня исповедал ты грехи свои, а завтра снова совершаешь то, в чем исповедался. Сегодня предполагаешь остерегаться, а через час поступаешь так, как будто ничего не предположил себе... так слабы мы и непостоянны. От одного небрежения может за раз погибнуть все, что с великим трудом и едва приобретено было благодатью"¹⁶. Таким образом, одно единственное, даже невольное упущение могло, как это предусматривалось монашескими предписаниями о преодолении греховности, повлечь за собой вечные адские муки.

Мысли об испорченности человеческой природы, о неистребимости в ней злого начала не переставали преследовать молодого монаха и священника Лютера. В своих первых "Лекциях о Псалмах" (1513-1515 гг.) он признавал: "Действительно, в нас всегда сохраняется остаток и пережиток грехов, а именно: склонность и злое тяготение к гневу, высокомерию, роскоши, скудоумию, которые перед Ним (Богом. – Ю. Г.) предстают как тяжкие и заслуживающие проклятия и поэтому постоянно должныствующие быть наказанными грехи"¹⁷. Вчитываясь в эти строки, понимаешь, что невозможно говорить о каком-то стабильном или более-менее продолжительном внутреннем мире в душе человека, который одержим такими мыслями.

Ощущение утраты духовной опоры ввергло Лютера в состояние, о котором в народе говорят: "Сердце щемит, душа не на месте". Душевное смятение погружало Лютера в мучительнейшие размышления о Правосудии Божьем, оправдании греховного человека перед Богом и о путях достижения им Небесного блаженства. Раздирающие его душу религиозные метания Лютер называл "теснением духа"¹⁸, "укусами совести"¹⁹, "отчаянием совести"²⁰. Лютеру казалось, что неумный дьявол непрестанно искушает его соблазнами, скорбями, зловерием – для того, чтобы он исторг из души своей любовь Божию и благодать Святого Духа и напрочь забыл слова апостола Павла: "Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?" (1 Кор. 3, 16).

При рассмотрении лютеровских "Anfechtungen" следует не упускать из виду того, что он стремился достичь не показного, а истинного христианского совершенства, о котором в "Нагорной проповеди" сказано: "Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (Мф. 5, 48). Только убежденность в таком своем совершенстве могла избавить его от мучительных сомнений и вселить в раздираемую ими душу уверенность в Небесном спасении. Но это оказалось выше сил молодого, вождевшего блаженной вечной жизни монаха. Подобно волнам морского прибоя, сомнения вновь и вновь обрушивались на его израненную душу. Он осознавал, что абсолютное совершенство пред Богом прежде всего предполагает непоколебимость веры. Но, исследуя свою веру, он убеждался в ее хрупкости и непостоянстве. Все чаще и чаще он уподоблялся евангельскому отцу бесноватого юноши, который со слезами на глазах восклицал: "Верую, Господи! помоги моему неверию" (Мф. 9, 24). "Чем сильнее я отмывал свои руки, – вспоминал позже Лютер, – тем больше пятен выступало на них"²¹. В мучительных кошмарах голоса его невидимых истязателей грозно повторяли слова, которые на протяжении многих столетий внушались верующим с церковных кафедр: "Правосудие Божие – это гнев Божий!" В одной из застольных бесед, которая происходила 14 декабря 1531 г., Лютер отмечал: «Самым большим Anfechtung дьявола является то, когда он говорит: "Бог ненавидит грешников! Ты же – грешник, следовательно, Бог ненавидит и тебя"»²². Страх перед ненавидящим и карающим грешников Богом гасил в душе Лютера вспыхивавшие в ней время от времени проблески надежды на то, что после быстротечной земной жизни перед ним распахнутся врата рая. В сентябре 1540 г. Лютер

вспоминал: "Вначале, когда я читал Псалтирь и пел: "В правосудии Твоем спаси меня!" – то всякий раз меня пугали и всегда вызывали мою вражду слова "правосудие Божие", "суд Божий", "дело Божие". Ведь я не знал ничего другого, кроме того, что "правосудие Божие" означает строгий суд. Но захочет ли Он (Бог. – Ю. Г.) спасти меня от Своего строгого суда? [Если нет], то я буду потерян навеки"²³.

Переживания такого рода теснятся в душе каждого искренне и глубоко верующего христианина, где бы и когда бы он ни жил. Вспомним строки великого русского поэта Ф. И. Тютчева, передающие раздвоенность человеческой души, которая, пребывая в земном мире, вожделеет мира горнего:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Так же, как у Лютера, у Ф. И. Тютчева нет твердой уверенности в том, что его душа найдет вечное упокоение в райских кущах:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Эти строки излучают тихую печаль, которая иногда в ступающих сумерках предвечерних сумерках охватывает человека, умиротворенно размышляющего о сущем и грядущем. У Лютера же мысли о жизни преходящей и жизни вечной приобретали совершенно иную, трагическую окраску. "Часто, – отмечал Филипп Меланхтон, – когда он (Лютер. – Ю. Г.) пытался основательно размышлять о гневе и устрашающих примерах правосудия Божьего, его внезапно охватывал такой ужас, что он едва не умирал от этого"²⁴. Эти слова подтверждаются многочисленными свидетельствами самого Лютера. В одном из них, относящимся к 1518 году, он с глубочайшей искренностью обнажает свою душу и признает, что муки чистилища и ада ему доводилось испытывать уже в земной жизни. Приведем это свидетельство. «Я знаю человека, – писал Лютер, имея в виду самого

себя, – который уверяет, что он часто переживал неимоверные муки. Они длились недолго, но были такими сильными, воистину адскими, что об этом не может рассказать никакой язык, и описать это не в состоянии никакое перо, и поверить в это не может ни один человек, если только он не переживал подобного. Это длится полчаса, иногда только десятую часть часа, – но тот, кому выпадает испытывать такое, низвергается в преисподнюю, его кости как бы превращаются в пепел. В этот момент появляется страшно разгневанный Бог, а с Ним все творения. Некуда убежать, нигде – ни внутри, ни вовне – не найти утешения; все обвиняет вас. Смятенный человек издает стон: "Отвержен я от очей Твоих" (Пс. 31, 23). Он не решается даже произнести: "Господи! Не в ярости Твоей обличай меня" (Пс. 6, 2). В такие моменты (как страшно!) душа не в состоянии представить, что она когда-нибудь будет спасена; она ощущает только одно – нескончаемые муки. Они вечны; душа понимает это и не считает их преходящими. Ей не остается ничего иного, как издавать отчаянные вопли о помощи и ужасные вздохи, потому что никто не знает, где искать спасения»²⁵.

Казалось, Лютер зашел в тупик. Надежные, проверенные многовековым опытом аскетов средства препобеждения "Anfechtungen" не могли погасить в его душе испепелявшее ее пламя сомнений. Но душа человека не может постоянно пребывать в нескончаемой борьбе с раздражающими ее "Anfechtungen", в состоянии беспросветного, безысходного отчаяния. Если это иногда происходит, то результатом бывает ее разлучение с телом, а тела – с его земной жизнью. К счастью, такое встречается редко. Большинство людей усилием воли наглухо закрывает свою душу для досаждающих ей "вечных" вопросов и начинает жить по принципу: "Tag-in-Tag-hinein leben" ("День прошел – и ладно"). Некоторым из тех, кто одержим мучительными сомнениями, помогают обрести внутреннюю гармонию духовные наставники. Так, в "Житии" Бернара Клервосского (1090-1153) рассказывает об одном монахе, которого постоянно терзали тяжкие "Anfechtungen". Узнав об этом, Бернар Клервосский сказал ему: "Немедленно иди к святому Причастию с моей верой!" Монах внял этому повелению и навсегда избавился от своих мук²⁶. И лишь немногие не удовлетворяются ни полурастительным существованием, ни заемной верой. Для них "Anfechtungen" становятся мощными катализаторами, которые побуждают к дальнейшим размышлениям,

исканиям и обретениям. А последние в свою очередь порождают новые "Anfechtungen". Таким образом, перефразируя известную русскую пословицу, можно сказать: "Познание искус любит".

К числу таких немногих личностей, которые пребывают в состоянии нескончаемого духовного поиска, несомненно, относился и Мартин Лютер. Признавая, что "Anfechtungen" доставляют человеку невероятные страдания, он вместе с тем подчеркивал их стимулирующее значение в процессе постижения истины. В 1527 г. он, основываясь на своем собственном опыте, утверждал: "Прежде чем Евангелие по-настоящему затронет [кого-нибудь], в его совесть должны вселиться голод и беспокойство. Евангелие не приходит ни к кому из тех, кто переживает полные довольства дни, а лишь к [людям] с объатыми трепетом совестью и душой..."²⁷. А в предисловии к первому тому своих немецкоязычных сочинений (1539) Лютер отмечал: «"Anfechtungen" – это пробный камень, который учит тебя не только знанию и пониманию, но и постижению того, насколько истинно, достоверно, насколько сладко, любвеобильно, могущественно, насколько утешительно Слово Божие – мудрость, которая превышает всякой премудрости»²⁸. Однако до поры до времени путь Лютера к постижению истинного смысла Слова Божьего преграждал частокол человеческих измышлений и схоластических мудрствований.

Изучение Лютером в 1508–1512 гг. основ теологии не развеяло его мучительные сомнения. Он слушал лекции теологов-схоластов, участвовал в диспутах, готовился к экзаменам, но это не затрагивало его душу. Позже он признавал: "Я только заучивал то, что [потом] должен был забыть"²⁹. Беда Лютера заключалась в том, что он не мог проникнуться в душе своей всепоглощающей, безграничной любовью к Тому, Кто (как учила средневековая Римско-Католическая Церковь) за малейшее прегрешение, более того, без какой бы то ни было провинности человека, по собственному произволению может осудить его на вечные муки. Учение Августина о предопределении породило в исстрадавшейся душе Лютера новые сомнения: а что, если он относится к числу отверженных, чей удел – вечные адские муки? Более того, учение о предопределении временами порождало в душе Лютера даже ненависть к (как он тогда считал) своевольному и непредсказуемому Богу и отчуждение от Него³⁰.

Но тем не менее Лютер продолжал питать надежду на пробуждение в его душе экстатической любви к Творцу. Предполагая, что ему

в этом могут помочь мистики, которые пытались достичь единения человеческого духа с Богом, он обратился к изучению их трудов³¹. Прежде всего он познакомился с сочинениями Бонавентуры (Джованни Фиданца; 1221–1274), который считался "князем всех мистиков". Современные исследователи относят его к представителям т. наз. "романской мистики"³². Любое знание Бонавентура сводил к познанию Бога. Ступенями этого познания он считал опытно-абстрактное познание Божественных дел в мире, познание Божественного Образа в глубинах человеческой души и, наконец, непосредственное познание Бога путем мистического слияния человеческой души с Ним. Лютер также изучал труды представителя т. наз. "спекулятивной" мистики Дионисия (Псевдо-Дионисия Ареопагита). В сочинениях, которые приписываются этому автору, содержится идея приведения души человека через ступени очищения, просветления и совершенства к преклонению перед Богом. Рейнгард Шварц предполагает, что с трудами Бонавентуры и Псевдо-Дионисия Ареопагита Лютер ознакомился до 1512 г.³³.

Наряду с чтением книг мистиков Лютер также пытался использовать их идеи в своем "духовном делании", чтобы добиться слияния своей души с Богом. По его собственным воспоминаниям, он однажды даже ощутил себя вознесенным на третье небо³⁴ и поющим в хоре ангелов³⁵. Но и следование рекомендациям знаменитых мистиков не исцелило израненную душу Лютера.

В тяжких духовных борениях Лютера пытались утешить его духовник и многоопытные насельники августинского монастыря. Некоторое облегчение Лютеру приносили также беседы с генеральным викарием германской конгрегации августинского ордена Иоганном Штаупицем, который советовал ему не заниматься чрезмерным самоанализом³⁶ и почаще обращать свой взор ко Христу³⁷, к Его страданиям и к Его ранам³⁸. О моральной поддержке Штаупица Лютер, несмотря на то, что позже их пути разошлись, вспоминал с глубокой признательностью³⁹ и отмечал, что благодаря советам духовного наставника в его сердце из окружавшей его тьмы впервые пробился свет Евангелия⁴⁰.

Но несмотря на все это, Лютеру в 1512 году еще казалось, что он зашел в тупик. Человек греховен и немощен, дьявол могуществен, Бог суров и непреклонен – таков был круг постулатов, в котором он метался, не находя выхода. К теряющейся за горизонтом истине,

которая позволила ему по-новому взглянуть на Бога, оправдание пред Ним, на теологию и на самого себя, Лютеру пришлось добираться еще не один год. Первой вехой на этом пути стало его т. наз. "Turmerlebnis" ("озарение в башне" виттенбергского монастыря). Оно принесло ему уверенность в собственном Небесном спасении и побудило к дальнейшим духовным поискам, венцом которых стало его знаменитое учение об оправдании верой.

Примечания

¹ *Lutherforschung* heute. Referate und Berichte des I. Internationalen Lutherforschungskongresses: Aarhus, 18–23 August, 1956 / Hrsg. von Vilmos Vayta. – Berlin, 1958. – S. 15.

² *Brecht M.* Martin Luther. – 3 Bde. – Stuttgart, 1983; *Friedental R.* Luther. Sein Leben und seine Zeit. – München, 1982; *Loewenich W.* von. Martin Luther. Der Mann und das Werk. – München, 1982; *Lohse B.* Martin Luther. Eine Einführung in sein Leben und sein Werk. – München, 1982; *Oberman H. A.* Luther. Mensch zwischen Gott und Teufel. – Berlin, 1981.

³ WA. – Bd. 38. – S. 147.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Schwarz R.* Anfechtung. II. Mittelalter // TRE. – Bd. 2. – Berlin&New York, 1978. – S. 691.

⁷ WA. – Bd. 7. – S. 785-789.

⁸ *Лютер, Мартин.* Большой Катехизис / Пер. с немецкого Ю. А. Голубкина // Мартин Лютер. Жить и возвещать дела Господни. – Харьков, 2001. – С. 208.

⁹ *Там же.* – С. 208-209.

¹⁰ *Там же.* – С. 209.

¹¹ WA TR. – Bd. 5. – Nr. 6017.

¹² WA. – Bd. 15. – S. 489.

¹³ WA. – Bd. 22. – S. 305.

¹⁴ WA TR. – Bd. 1. – Nr. 495.

¹⁵ WA. – Bd. 38. – S. 143.

¹⁶ *Кемтийский, Фома.* О подражании Христу / Пер. с латинского К. П. Победоносцева. – Брюссель, 1993. – С. 52-53.

¹⁷ WA. – Bd. 56. – S. 292.

¹⁸ WA. – Bd. 55. – S. 50.

¹⁹ *Лютер, Мартин.* Большой Катехизис... – С. 246.

²⁰ WA. – Bd. 10 III. – S. 52.

²¹ *Preussel P.* Luther von Eisleben bis Wittenberg. 1483–1517. Chronik und Stammbuch. – Stuttgart, 1883. – S. 21.

²² WA TR. – Nr. 674.

²³ WA TR. – Nr. 5247.

²⁴ *Melanchthon P. Vita Lutheri. – Wittenbergae. – Anno 1555. – S. 17.*

²⁵ *WA. – Bd. 1. – S. 557-558.*

²⁶ *См.: Hauss F. Vater der Christenheit / Neu hrsg. von Silvio Spahr. – Wuppertal und Zürich, 1991. – S. 72.*

²⁷ *WA. – Bd. 24. – S. 72.*

²⁸ *WA. – Bd. 50. – S. 660.*

²⁹ *WA. – Bd. 2. – S. 414.*

³⁰ *WA. – Bd. 18. – S. 719-720.*

³¹ *См. об этом: Vogelsang E. Luther und die Mystik // LuJ. – 19, 1937. – S. 32-54; Maurer B. Martin Luther und die Mystik // Lutherische Kirche in der Welt. – 45, 1988. – S. 23-46.*

³² *См.: Hofmann F. Mystik: Religion der Zukunft – Zukunft der Religion? // Luther. – H. 3, 2002. – S. 155.*

³³ *Schwarz R. Luther... – S. 18.*

³⁴ *WA. – Bd. 11. – S. 117.*

³⁵ *WA. – Bd. 40 III. – S. 657.*

³⁶ *WA Tr. – Nr. 6669.*

³⁷ *WA Tr. – Nr. 526.*

³⁸ *WA Tr. – Nr. 1017.*

³⁹ *WA Tr. – Nr. 173.*

⁴⁰ *WA Br. – Bd. 3. – S. 155.*

Резюме

Голубкін Ю. О. *Істина народжується в огні сумнівів і духовних пошуків ("Anfechtungen" "раннього" Лютера)*

У статті йдеться про тяжкі духовні пошуки "раннього" Лютера, вінцем яких стало його вчення про виправдання вірою.

Латышева А. В.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ И МАРТИРИАЛЬНЫЙ КУЛЬТ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Характерной чертой раннехристианской религиозной жизни было широко распространенное почитание святых и мучеников, некоторые проявления которого можно обозначить как мемориальный и маририальный культ. В современной церковной археологии при изучении византийской архитектуры довольно широко используются понятия "маририй" и "меморий". Целью данной статьи является попытка локализации и интерпретации известных археологических